

Анастасия ИСАИЧЕВА
(Нижний Новгород)

Синий атласный платок

Город рисует серым
свои очертания в дымке,
на фоне его веры
другие строения хлипки.

Любой шорох, услышанный в среду,
возвращает тебя в состояние
прибитой гвоздями в стену
тревоги. Мыслей сияние,

озарившее синий платок
на поникшей к полам голове,
играет с ней, как в лото
с очень маленьким шансом побед.

Но на все лишь одна воля,
хоть сюда ты придешь, хоть по полю
в отсутствие света в ночи,
а под ноги тебе грачи

воспевают оды проклятий,
изучая твой путь свысока.
Сдаваться? С какой стати?
В рукаве есть еще пара карт

и синий атласный платок,
что способен разум прохладой
усмирить, но какой в этом толк?
Пусть у сердца лежит, и ладно.

Пусть рисует над городом небо,
становясь голубым в дымке,
за которой любой страх неведом
и любые тревоги зыбки.

Штукатурка

Штукатурка осыпалась почему-то в одном лишь месте -
в аккурат над моей головой.
Крошки звездами падали в черных дыр бесконечность,
как животные на убой.

У всего есть срок годности, но и всё оставляет след,
чернильные пятна на белом листе.
Ярость губит меня, как коса траву, загоняя в склеп
тихо и медленно гнить в темноте.

Штукатурка, как пудра, как снег покрывает черничные очи.
Бренные ночи, прогулки во сне
в разные месяцы не равны, даже если под нос бормочешь
те же строки при полной луне.

А у всего под луной есть нетленное чувство такта,
туго стянуты струны виолончели,
на которой беспутно играет жизнь, не имея таланта,
легион создавая своих произведений.

Штукатурка пылью оседает на листьях гвоздик,
из трех одна оказалась лишней
(типичный сюжет), оставь ее для живых
или под ноги брось с крыши -

все равно погибать. Штукатурка осела в легких:
как кофейная гуща на дне
фарфоровой чашки со сколами, робко
она фреску пишет во мне,

мешаясь с двумя гвоздиками в алости вод -
это моя рецептура.

Комната. Тишина. Пустой потолок.

Фреска?

Нет.

Карикатура.

Фасад

Осторожно! Возможен сход
сосуллек, снега и фрагментов фасада
или людей друг другу непод-
ходящих, возможно на лево, верящих свято
в свое на то право.

И только истина смотрит прямо.
Во всем виноваты звезды.
Во всем виноват образ, привитый в детстве,
«потому что так надо» - сказала мама,
и всем наплевать на слезы.
Вы притворяетесь вместе.
Они говорят, что укол - это миг,

потом ты поймешь это более явно,
потом ты поймешь, что укол - это жизнь.

Слезы больше не затекают в уши.
Послушай, как бьется сердце послушно
поровну и затем, будто того было мало,
расходятся мелкие трещины.
В следующий раз кидай резче.
Потом ты поймешь, что это лишь повод
освоить кинцуги или украсить осколками зеркало -
тоже искусство, отчасти романтизация смертного.

Так же золота паутиной расходятся показания у верящих будто в одно,
так сходу и не поймешь.
Если у правды несколько версий, то
правдой становится ложь.
Те же линии формируют судьбу на ладонях,
которыми они любят закрыть глаза посторонних
и прошептать "угадай кто?"

Осязаемость не имеет власти над временем,
время - тот еще клептоман.
Образность так хорошо прячется, что теряет себя
в одной из картинок роршаха.
Поэтому нам никогда не вернуться в прошлое,
поэтому нашим мыслям комфортно лишь где-то там,
в будущем будто больше свободы,
оттуда они не смотрят смущенно одним глазком из короба
в реальный мир, а таращатся жадно в оба.

Осторожно! Возможен срыв.
Апатия, снег и фрагменты фасада,
и маскароны дев, части наличников, паническая атака.
Полет повидавшего множество рук рояля.
Фасад, конечно, замаскируют тканью,
а вдоль периметра выстроят синий забор,
такое себе поддельное здание.
Потом ты поймешь, что дольше всего в гостях то,
что изначально назвали "временное не-у-доб-ство".

Потом ты начнешь внедрять этот принцип в личную жизнь,
ведь рыба гниет с головы, а она в свою очередь все это зрит с малолетства.
Огородить под окнами небезопасное место
красно-белой в полоску лентой с угла до крыльца.
Попробовать ботокс, скрыть макияжем старение кожи.
Говорят, что у совершенства нет конца.
Что ж, у разрушения тоже,
должно быть это два близнеца.

Театр теней

Ближе к утру на город сползает вуаль страха,
ведь ужасные вещи случаются даже при свете дня,
а из тысяч рассказанных мамами на ночь сказок
лишь у одной будет хороший финал
и, как ведется, не будет автора.

Заплетая косы в отход ко сну
и взбивая уставшие перья подушки,
искореженным взором пронзая всю тишину
от кончика носа до потолка комнатушки,
я уже ни о чем никого не молю,
с годами становишься будто послушной.

Но утром порой не решаешься даже выглянуть в окна -
наличие света не гарантирует светлый день,
и свет по сути - искусственный отблеск,
а мир изначально всегда во тьме,
а тьма - аллегория смерти.

А смерть с каждым днем подступает ближе,
то ускоряя, то замедляя шаг,
собирая в пути крылья бабочек, косточки вишни -
ценные вещи такой же ушедшей жизни,
что преподносит в конце, как свой дар,
с восторгом в пустых глазницах.

Похоже на свет автомобильных фар, их теплых огней,
а ты - силуэт зайца, застрявший в начале июня,
это сольный дебют в придорожном театре теней:
спектакль - трагедия, крики - овации, алые розы в след,
что спешит убежать в закулисье, танцуя

какой-нибудь бодрый твист.
Если ты достаточно дикий, то все заживет быстро.

Если ты достаточно дикий, то черные дыры - нора
как раз для такого кролика, или, возможно, крота,
а значит смотря в бездонность зияющих смерти глаз,
ты падаешь не в могилу, ты вступишь в новый рассказ,
кому-то поведанный на ночь.

Ножницы

Пустые дома, остывшая жизнь, каменных плит холод,

тишина самой тишины, её эхо, свободное от человека место,
обретшее, нет, вернувшее прежний свой облик,
отталкивает и пугает своей честностью.

Такой, что каждая капля твоей крови
разбредается в панике по своему пути,
становясь заметной, прежде - самой себе,
крича о своем бесконечном, конечно, конечном движении.

И вот рваная скорость, что выдала драм-машина,
упираясь натужно в ребро,
сегодня позволит ей закипеть, выпаривая естество,
оставляя лишь сладкий след,
и от него слипаются вены, сохнет личина,
смысл услышанных слов проходит мимо.
Трое суток и у кого-то будет десерт.
Ты говоришь бессвязные вещи в ответ.
На лице застывает улыбка,
иллюстрируя финишную попытку,
но сердце уже не заводится.
Орудие смерти - ножницы,
жизнь - обветшавшая нитка.

Сахар уместней бы было добавить в чай, что никогда не будет допит,
тем паче, что по осознанию этого факта сразу был вылит в рак о вину.
В масштабах произошедшего это лишь капля, вид
тебя на полу мне знаком, к сожалению. Как я сегодня усну?

Куда деть все твои вещи?

Эта куча вещей, просто куча-гора, целый Эльбрус из вещей, что утратили смысл,
будучи прежде нужными только тебе,
они также устали в пропасть множеством чисел
зеркал, не имея владельца - теряя в ценности.
Поэтому занавешены отражающие поверхности.
Поэтому тоже хочется занавеситься.
Каждая вещь, что и тело твое - оболочка жизни, по схожести -
шкура змеи, сброшенная по истечении срока годности.

Смерть одного сближает еще живых.
И пока еще в теплой коже, вы
продолжаете танец, рожденный случайностью
из тишины самой тишины и ее эха в частности.

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть,
вдыхая серые клубы ладана,
и вижу лежащую во гробех
по образу божию данную
и по нему же ушедшую в единственное пристанище, ждущее нас всех.